

Георгий Воробьев

ОТСТУПНИКИ

Старого мира

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Георгий Воробьёв
Отступники Старого мира

«Автор»

2023

Воробьёв Г.

Отступники Старого мира / Г. Воробьёв — «Автор», 2023

Антарта — заснеженный континент, на котором никто не хотел бы оказаться. За несколько часов на открытом воздухе можно замерзнуть насмерть. Но в недрах Антарты — огромные запасы топлива. Поэтому богатые государства Старого мира создали на материке добывающие колонии. Юному Ашвару не место на Антарте. Сюда съехались обычные работяги, а он — дворянин. Раньше он жил в особняке, а теперь ютится в каморке, работает помощником инженера и пытается не впасть в депрессию. Недавно антарчане подняли революцию и получили независимость, но теперь у них проблемы. Месторождения иссякают, оборудование ломается, и нужно срочно собирать экспедицию, на которую нет ресурсов. Ситуация осложняется тем, что в Антарте все еще находятся каторжники из Старого мира. Заключенные поднимают бунт, освобождаются и теперь направляются к мирным поселениям. Ашвар попадает в приключение, полное опасностей и неожиданных врагов. Ему предстоит, рискуя жизнью, защитить рабочих и раскрыть страшные секреты Антарты.

© Воробьёв Г., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава I. Мрачные предчувствия	5
Глава II. Январь	18
Глава III. Норвальдец	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Георгий Воробьёв

Отступники Старого мира

Глава I. Мрачные предчувствия

Ослепительный солнечный свет бил мне в глаза. Он отражался от скатерти, покрывающей стол. Лёгкий бриз раскачивал занавески за моей спиной. Их тень, пританцовывая по столу, дополняла мой силуэт огромными махающими крыльями. Они трепыхались без ритма и синхронности, но даже при этом хаотичном движении можно было отчётливо различить перья. Эта картина не захватила меня надолго.

Как только я поднял голову, необычайное сверкание скатерти погрузило меня в полный мрак. Скоро из тьмы начали вырисовываться очертания, которые я узнавал, ещё не успев увидеть. Из черноты, покачиваясь в плетёном кресле почти напротив меня, проступил силуэт матери. Она что-то крутила в руках, но разобрать, что именно, было невозможно.

Под потолком высветилась огромная люстра. Я сначала осознал, что она существует, а уже потом передо мной возник ансамбль круглых газовых ламп. Почему не электричество? Потому что его здесь нет, подсказала память. Прежде чем мой взгляд успел обратиться к новым очертаниям, мне показалось, что лампы постоянно меняются местами, танцуя вместе с тенями занавесок.

Пока я наблюдал за этими синхронными движениями, на дальней стене всё чётче проступали тёмные обои. Они были расписаны цветами, которые вспыхивали на момент из сумрака, чтобы снова исчезнуть. Со временем переливающиеся бутоны стали появляться всё чаще, исчезая лишь ненадолго. Они обрисовывали большое чёрное пятно. Память на этот раз не подсказала, что там находится. Но мне не хотелось вглядываться в темноту, поэтому я перевёл взгляд обратно на цветы.

Прорастая, бутоны сжали черноту до прямоугольника с завитушками по краям. Я вспомнил слово «портрет» быстрее, чем из тьмы вынырнула картинная рама. Тусклое золото извивалось в такт стеблям на стене и обнимало бездонную уютную черноту. Я снова перевёл взгляд на люстру. Её было отчётливо видно на высоком, стремительно белеющем потолке. Так же отчётливо, как и кружение ламп. На портрете проступали какие-то черты, которые показались мне знакомыми. Я увидел аккуратно уложенные волосы, присыпанные сединой.

«Благородной сединой», – послышались чьи-то слова. Я узнал свой голос, но он звучал откуда-то со стороны и казался чужим.

На портрете открылся камзол, расшитый узорами с драгоценными камнями. Плечи покрывала серая накидка, совсем не в тон богатству костюма. Впрочем, край плаща не уступал в цене. Золотую цепочку, держащую пюль, венчал медальон с изображением лани. Наконец, я увидел лицо старца. Черты его были преисполнены достоинства.

«Словно вытесанные из камня», – вновь сказал тот же голос.

Рядом со старцем, чуть пониже, отпечаталось лицо женщины, которая сейчас сидела передо мной. Заметные морщины вокруг глаз придавали заботливость её образу. А любящий взгляд был направлен на третьего участника, до сих пор скрытого чернотой, которая теперь стала не только бездонной, но и холодной.

Я посмотрел на свою мать, покачивающуюся в кресле. Сейчас я мог различить в её руках увесистый камень и столовый нож. Лёгкими движениями она срезала с булыжника слой за слоем, словно яблочную кожуру. Обрезки валялись на пол, как мокрые тряпки. Вдруг из-под ножа показалась блестящая на солнце поверхность.

Зачарованный этим зрелищем, я наблюдал, как мать очищает сверкающий шар от каменной мантии, пока на пол не посыпалась золотая стружка. Переливающиеся светом пласты медленно опускались вниз, словно весили не больше птичьего пера. На портрете, за её левым плечом, проявился последний силуэт. Парень двадцати с небольшим лет. Чёрные прямые волосы были коротко и просто подстрижены. Одежда из дешёвой ткани была расписана орнаментом, но обыкновенными нитями. Без изысков.

Внешний вид парня резко контрастировал с преисполненным изящества стилем старца. Возвышающийся патриарх, казалось, оглядывает с этого места свои владения и ряды столь же благородных, как он сам, предков. Парень смотрел в пустоту перед собой.

– Это для тебя, – произнесла мать.

Она что-то вырезала из уже бесформенного золотого слитка. Вдруг по нему пробежала тень от резко взмывших к потолку занавесок. Я не ощутил никакого ветра и, обернувшись, обнаружил, что сижу на резном стуле. За моей спиной было распахнутое окно. Снаружи проглядывала полянка с аккуратно подстриженной травой, зелёная изгородь и несколько пальм, покачивающихся большими листьями в такт прежнему лёгкому ветерку. Всё вновь нарисовала моя память – раньше, чем я увидел это своими глазами. Но память ничего не подсказала о монументальной белой стене, возвышающейся ближе к линии горизонта.

Логика, несмотря на абсурдность мысли, уверенно подсказывала, что это снег. Хотя он походил больше на глазурь в свете солнца. Как будто усадьба была украшением посреди белого торта, не желающего таять под палящими лучами. Не знаю откуда, но я знал, что снег окружает поместье со всех сторон, оставляя от мира лишь небольшой клочок зелени.

Вновь раздался голос матери:

– Посмотри, что у меня получилось...

Я повернулся и увидел в её руках золотую лань. Как на медальоне плаща. Казалось, что фигурка плывёт в воздухе, потому что её ноги медленно шевелились. Я взял лань из рук матери. Подарок лежал на моей ладони, продолжая свой замедленный бег, полный безмятежности и грации.

– Буря приближается, – каким-то уставшим голосом произнесла мать.

Со скатерти пропал мой силуэт, а сама она перестала сиять, обернувшись пустым белым полотном. Я снова посмотрел в окно. Над поместьем проносились из ниоткуда взявшиеся серые облака. Они быстро сливались в резко темнеющую монолитную массу. Вслед за ними налетел резкий порыв ветра, задирая лёгкие занавески к потолку. Мимо меня пролетело несколько сорванных листьев. Я бросился закрывать окна, пока в зал не нанесло пыли и веток.

В одной руке я всё ещё сжимал лань, которая мешала мне разбираться с замками. Почему-то мне не хотелось выпускать её. Пока я боролся с очередным окном, на горизонте вылезали тёмно-синие, почти чёрные тучи. А за собой эти кляксы тянули что-то ещё. Что-то огромное и белое.

Заметив это краем глаза, я подумал, что они несут какую-то волну, а не облако. Захлопнув последнее окно, я наконец понял, что на поместье надвигается снежная лавина. Гигантская белая волна медленно вырастала над горизонтом. Она была повсюду, насколько хватало глаз. Как будто перекачивалась по всему земному шару одновременно. Её высоту невозможно было определить – она приближалась стремительно и всё больше закрывала собой тучи. Она уходила ввысь на сотни метров и не прекращала расти. Эту стихию не удержали бы никакие стёкла и рамы.

Осознание угрозы было похоже на удар током. Судорога пробежала от головы до пяток, развернув моё тело. Оно двигалось само собой, спасаясь от смерти. Разум одновременно говорил, что бежать некуда. Но тело было не остановить. Наблюдая первый шаг, я вспомнил о матери. Но на её месте осталось лишь пустое плетёное кресло.

Почти добежав до двери, я услышал шум позади. Вихрь ворвался треском оконных рам и бьющегося стекла. Порыв окатил меня снегом и чуть не сбил с ног. Я устоял, хотя рядом о стену разбилось кресло, разлетевшись на куски. В столовой с неестественной скоростью образовались глубокие сугробы, отчего последние несколько шагов до двери превратились в бег по трясине. Мои ноги увязали в снегу, а из-за спины доносился оглушительный вой ветра и грохот разлетающейся в разные стороны мебели. Я чуть не упал на спасительную ручку и рванул её на себя. Дверь поддалась с неожиданной лёгкостью, словно на её пути не лежали сугробы.

Я крепко сжал лань и бросился через дом к выходу. Ураган, казалось, преследовал меня. Всё на моём пути замерзло и заносилось снегом. Стихия срывала со стен картины и зеркала, с грохотом разбивая их о пол. Я побежал во весь опор и под перезвон бьющихся стёкол выпрыгнул в открытую входную дверь.

Трава подо мной уже покрылась снегом. Обернувшись, я увидел, что дом находится в сотне метров от меня. Лавина над ним закручивалась спиралью, превращаясь в ледяной смерч. Буран с треском, отдающимся в моей груди, оторвал особняк от фундамента. Дом поднялся в воздух и скрылся в непроглядной белой пелене, нелепо размахивая стенами, словно бумажными.

Никакой зелени уже не было вокруг, всё начало сливаться в одноцветную мешанину. Даже тучи окончательно исчезли за потоками снега. Какая-то другая память нарисовала чёрную бревенчатую избу. Эта жутковатая на вид постройка вселяла гораздо больше уверенности, чем оторванное от корней здание. Ей были ни по чём фантастические силы, сметавшие всё на своём пути.

Сопrotивляясь сковывающему движения ветру, я бросился к избе. В этот момент проносившийся за моим убежищем снег устремился мне навстречу, скрыв за собой последний шанс на спасение. Со всех сторон меня окружила непроницаемая стена из миллиардов хаотично двигающихся снежинок. Ледяная буря сжимала кольцо, подступая всё ближе и ближе. Наконец, бурный поток, хлынувший откуда-то снизу, вздёрнул мою руку и вырвал фигурку из неё. Лань взлетела вверх и моментально исчезла в буре.

Ещё одна судорога ужаса заставила меня открыть глаза, хотя они не были закрыты.

Я лежал на боку, а мой взгляд упирался в тумбочку, примыкающую к моей кровати. Это было знакомо так же, как усадьба. Только эта память оказалась более свежей. Это было чудо. Хоть моё убежище и затерялось в буре, проснулся я в нём. Проснулся.

Все странности недавних событий внезапно приобрели единое значение. Почти на автомате я отбросил всё, что произошло. Просто сон. Единственной оставшейся странностью было то, что я впервые обратил внимание на это чувство. Только что я должен был умереть, но остался жив, переместившись в какой-то другой мир. Я вздохнул с облегчением. Несмотря на нереальность урагана, я продолжал испытывать это чувство чудесного спасения.

Я услышал скрип половиц за дверью своей комнаты. Этот звук выбросил мысли о сне из моей головы. Я перевернулся на спину, отчего пружины раскладушки скрипнули. Тёмные бревенчатые стены углом поднимались из-за моей головы, упираясь в низкий серый потолок. Гораздо ниже, чем в усадьбе. Я вспомнил, как когда-то эта комната давила на меня своим мрачным видом. Почти чёрные, неровные, не очень-то хорошо обработанные брёвна навевали тогда мысль о тюрьме. Но сейчас всё было иначе. Находясь внутри, я был в безопасности. Бури случались только за окном.

С двух сторон меня окружали стены, а с третьей – тумба. У изножья раскладушки угол был завален моими вещами. Перед отправкой сюда я думал, что все они мне пригодятся. Но в Антарте это оказалось горой бесполезного хлама. Чемоданы с одеждой не для этого климата, книгами, на которые не было времени, пластинками, которые не на чем оказалось проигрывать, – всё это возвышалось над моим ложем, укрепляя впечатление, что я сплю в колыбели.

Чувство тесноты угнетало меня в первые недели. Теперь оно грело по утрам. Давало успокоение после тяжёлых сновидений и передышку перед погружением в слишком большой реальный мир. Настолько «слишком», что я начал искать, за что бы зацепиться, лишь бы не думать об этом.

Через окно поступал ровный спокойный свет, в эти дни тускневший только на время непогоды. Он освещал маленькую раковину с зеркалом и совсем уж крохотным шкафчиком. Вешалку, на которой висела тёплая куртка. Узкий стенной шкаф, который не вместил и трети моих вещей. Больше здесь ничего не было. Впрочем, в большем я и не нуждался. В плане комфорта во всяком случае.

Мой взгляд остановился на золотых карманных часах. Они свисали со статуэтки, стоящей на тумбе. Цепочка опутывала молот в руке бронзового бога. Когда я потянулся за часами, грозная увесистая фигура чуть не свалилась следом мне на голову. Была половина седьмого утра. Пришло время вставать.

Я сел на раскладушке под очередной аккомпанемент пружин и достал одежду из тумбы. Не успел я натянуть штаны, как на меня обрушилось повседневное состояние. Оно выбило недавнее ощущение чуда, не оставив ничего, кроме себя. Это было разочарование. На момент я остановился, захваченный враспloch этим потоком тоски. За дверью послышались шаги и приглушённый разговор. Станция «Заря» готовилась к новому дню. Я сделал вдох и уверенно забрался в штанины.

Одевшись, я умылся и поглядел на своё отражение в запятнанном зеркале. Лицо было слишком бледным. Оно должно быть более смуглым. Слишком большая и неровная щетина внизу щёк. Слишком уставшие глаза. Выражение лица не очень напоминало энтузиаста. Я заметил пыль по углам зеркала. Стоило его отмыть. Я энергично вытер лицо полотенцем и увидел перед собой гораздо более бойкого парня. Вот это был рабочий настрой.

Сунув часы в карман, я вышел за дверь. В коридоре было пусто. Зато из столовой доносились звуки утренней суеты и редкие неразборчивые реплики. Туда я и направился. Почти все уже были на месте. Четыре десятка не до конца проснувшихся рабочих быстро уплетали завтрак. Я прошёл мимо их рядов к дальнему концу столовой, где был стол для специалистов станции. Все уже собрались, а на моём месте ждали тарелка с омлетом и кружка кофе, от которого поднимался пар. За столом теснились ещё четверо людей: Катан – начальник станции, Шиму – главный инженер, Умак – связист, и Маги – главный механик или, как он себя называл, «начальник гаража». Я был помощником Шиму, третьим по старшинству должностным лицом. Я поздоровался со всеми и, заняв своё место, быстро принялся за еду.

Завтрак проходил в молчании, что только усиливало атмосферу усталости. Времена, когда мы обсуждали настоящее и будущее Антарты, прошли. После себя они оставили лишь пустые бутылки из-под игристого вина, ютившиеся под столом для посуды. Наверно, они уже покрылись пылью.

Поедая завтрак, я обратил внимание на Катана, который пил кофе с задумчивым выражением. У него что-то было на уме. Катан Оша был старшим на станции не только по должности, но и по возрасту. Высокий, крупный и всё ещё статный в свои пятьдесят с хвостиком, он был из тех редких людей, кто создал себе имя без сколько-то высокого происхождения. Катан пользовался уважением даже за пределами станции.

Когда мы заканчивали с завтраком, он начал выдавать распоряжения.

– «Январь» хочет, чтобы мы увеличили выработку, – сказал он негромким голосом. Похоже, не хотел, чтобы рабочие слышали этот разговор.

– Ещё? – удивился Шиму. – Их темпами у нас трубы полопаются!

Шиму был помоложе и поменьше Катана. А ещё имел привычку быстро тараторить, к чему мне пришлось долгое время привыкать.

– Мы не поспеваем за нормами, – продолжил Катан, – придётся перейти на круглосуточную добычу.

– И где мы возьмём под это дело людей? – поинтересовался Шиму.

– Нигде, – отрезал Катан, – увеличим смены и распределим их так, чтобы насосы не останавливались.

– А рабочие к рассылке ценных указаний разве не прилагаются?

Саркастические замечания по поводу начальства тоже были частью особого стиля Шиму. Меня они в последнее время раздражали. Катан иногда иронизировал вместе с ним, но сейчас не обратил никакого внимания на последние слова инженера.

– «Январь» возобновляет экспедиции. Им нужно и топливо и люди, – сказал начальник станции.

– Это что-то новенькое, – заметил Шиму. – Мы с Ашваром установим повышенные коэффициенты. Но если что-то бабахнет, – я тебя предупреждал.

Катан пропустил его замечание мимо ушей, погрузившись в разговор с Маги. Шиму обратился ко мне:

– Ашвар, проведи утренний обход, запиши показания. Зелёным поддай четверть оборота, жёлтые не трогай. Я проверю давление после тебя. Хочу посмотреть на динамику.

– Хорошо, – ответил я.

В Антарте мы добывали нефть. Цены на неё взлетели за последние десятилетия и продолжали расти по мере того как бензиновые двигатели превращались из технологической диковинки в повседневность для всего мира. Собственно, по этой причине мы и оказались в этом суровом крае. Всего несколько лет назад Антарта казалась настоящей сокровищницей. Впрочем, эти представления довольно быстро поблекли. Темпы, с которыми материк осваивали в первые годы, упали. Месторождения стали попадаться реже, а вдобавок начался настоящий нефтяной бум на Мелae – гораздо более тёплом и доступном материке. Теперь «Январь» – центральная станция Антарты – бился за то, чтобы мы продолжили занимать важное место на рынке.

Когда с завтраком и инструкциями было покончено, все разбрелись по станции. Рабочие одевались и потихоньку выходили наружу. Я вернулся в свою комнату. Начинался обычный утренний ритуал. Нужно было нацепить на себя массу одежды. Тёплые носки, свитер с воротником до подбородка, маску, чтобы лицо не замерзло на ветру, защитные очки, шапку... Всё больше и больше всего. В последнее время мне казалось, что количество одежды постоянно увеличивается, хотя, очевидно, это было не так. Зато работы действительно становилось больше. И судя по тому, что сказал Катан, это был далеко не предел... Я сделал глубокий вдох, отгоняя мрачные мысли. Мы со всем справимся.

Нацепив куртку, я сунул в карман планшет с зажатым листом бумаги и карандашом. В коридоре обул увесистые меховые сапоги и вышел наружу. Яркий солнечный свет без всякого намёка на тепло ударил в глаза. В остальном, как обычно, сначала ничего не поменялось. Но первый вдох холодного даже сквозь маску воздуха напомнил, где я нахожусь. Хотя одежда надёжно защищала, у меня было ощущение, что атмосфера Антарты обрушивается на меня и сдавливает.

Небольшая равнина передо мной заканчивалась чёрно-белыми скалами под ясным небом. Станция располагалась в маленькой ложине между горами. Повсюду, куда ни брось взгляд, лежал снег. Кроме наших построек и скал, ничего здесь больше не было. Снег сверкал под солнцем, придавая картине какой-то волшебный и праздничный вид. Погода поддерживала бодрый настрой. Можно было приниматься за работу.

Первым делом я зашёл в приёмник – небольшой дощатый ангар, к которому с разных сторон тянулись трубы. Внутри ряд окон под потолком немного освещал помещение, но огромный резервуар, занимавший большую часть места, терялся в сумраке. Я включил свет, не доба-

вивший живописности картине. Здесь не было и намёка на красоту, царившую снаружи. Вдоль серых стен теснились чёрные бочки. С одной стороны от меня они были открыты, с другой – закупорены и готовы к отправке. Грязный и немного ржавый бак приёмника производил на меня угнетающее впечатление. Я даже не знаю почему. Всегда казалось, что внутри всех этих индустриальных резервуаров окажется что-то мерзкое. Но именно туда мне и нужно было заглядывать каждое утро и вечер. Это была самая лёгкая, но самая отвратительная часть моей работы. Я поднялся по прислонённой к баку лестнице. С потолка на него глядели тёмные и пустые отверстия труб, не украшающие интерьер. Я набрал воздуха в грудь и посмотрел вниз. Стены резервуара покрывал осадок, а на дне оказалось немного топлива. Бак был почти пуст, как и полагалось по утрам. Ничего особенного внутри не обнаружилось. Кроме навязчивых картин, как я сам попадаю на дно, а сверху на меня напором бьёт нефть из труб. Руки соскальзывают по маслянистой жидкости, пока я пытаюсь выбраться.

Я спустился, чтобы выбросить это наваждение, и вышел из приёмника. Следующей целью было машинное отделение – ещё одна бревенчатая постройка, уступавшая размерами жилому корпусу и приёмнику. Из неё тоже прорастали трубы. Снег похрустывал под ногами и слепил глаза. В машинном же стояла абсолютная темнота. Здесь даже окон не было. Я щёлкнул переключатель у двери, и в тусклом свете лампочки передо мной проявились несколько огромных механизмов. Они занимали большую часть комнаты и всё пространство от пола до потолка. Восемь насосных двигателей.

Я подошёл к ближайшему и несколько раз опустил и поднял большой рубильник сбоку. На каждое нажатие монструозный механизм отвечал неприятным громким гулом, пока двигатель наконец не запустился. Насос завибрировал и начал фыркать, постепенно разгоняясь. В зале появился лёгкий запах бензина. Было что-то парадоксальное в том, что мы использовали топливо, чтобы добыть больше топлива. Сейчас эта мысль казалась мне жутковатой. Я почти машинально дёргал рычаги на других установках, пока они все не запустились. Нараставший гул был гимном для начала очередного рабочего дня.

Каждый раз мне казалось, что насос не заведётся и доставит лишних хлопот. Параллельно я размышлял над словами Катана. Экспедиции отправятся искать новые месторождения. Последний раз разведку проводили больше четырёх лет назад. Какие шансы на успех были у нас сейчас? Встряхнув головой, я дёрнул ручку последнего насоса, включив его. Разгоняющаяся установка испаряла мои мысли. Словно это она включала меня. Деятельный и равнодушный шум двигателей настраивал меня работу.

Я вышел из здания и зашагал вдоль одной из труб. Все они были пронумерованы и тянулись на десятки метров. На последнем отрезке каждая труба шла параллельно с другой, ведущей к приёмнику. Прямо сейчас бак уже медленно заполнялся топливом, но Шиму просил повисить коэффициенты. Я остановился возле одной пары труб – там, где они обе уходили под землю. На них были установлены вентили, регулирующие подачу и приём, со счётчиками давления. Я вытащил планшет и переписал показания, на которых остановились стрелки. Плотная ткань перчаток не давала ровно держать карандаш, поэтому на бумаге оставались огромные кривые каракули. Сделав записи, я взялся за рычаг вентиля и с трудом прокрутил его на четверть оборота. Где-то в машинном отделении один из насосов начал работать быстрее. Нам всем скоро придётся. Быстрее и дольше. Сколько людей потребуется для экспедиций? Сорок шесть человек оказалось достаточно для обычной работы станции. Но Катан сказал, что мы переходим на круглосуточную добычу. Нам придётся работать в новом режиме с меньшим количеством людей? Больше вариантов не было. Насколько это растянется? Ощувив что-то тягучее в груди, я посмотрел на машинное отделение. Нужно учиться у двигателей. Они ни на что не жалуются и ни о чём не жалеют. В любом случае, ужесточение условий работы будет недолгим. Нужно только дождаться, когда разведчики найдут новые месторождения. Я подкрутил вентиль приёма и, расправив плечи, бодро зашагал к следующей паре труб.

Мимо прошёл рабочий, махнул мне рукой и поздоровался. Из-за маски и очков невозможно было разобрать, кто это, но по голосу я узнал Гáлаша. Это был парень двадцати пяти лет, успевший попасть в Антарту до того как завёл семью. Он не уехал, когда произошёл кризис. Как и многие, Галаш посчитал, что неплохая зарплата и личная свобода стоят дороже, чем возвращение домой.

В его голосе читалась доброжелательность, которую мне пришлось зарабатывать ежедневным трудом. Здесь происхождение человека ни на кого не производило впечатления. Скорее наоборот: чем голубее была твоя кровь, тем с большим пренебрежением к тебе относились. Так что с момента прибытия мне пришлось много раз доказывать, что я могу работать не хуже других. И только когда рабочие поняли это, из их речи пропали все эти мелкие уколы в мой адрес. Но вот на «Январе», где люди не видели меня в деле, рабочие считали, что я ещё один «вшивый аристократишка». Впрочем, даже их отношение изменилось, когда они увидели, что я не вернулся домой после смены власти в Антарте, как сделали многие дворяне.

Со всеми установками был порядок, кроме одной. Давление на ней достигло жёлтой зоны, и её не стоило трогать. Дополнительное напряжение могло отключить механизм. Кажется, новая администрация Антарты этого не понимала. Как будто мы через это не проходили. Я вновь ощутил тяжесть в груди и быстро отошёл от вентиля. Нужно работать, нужно не забывать, что мы действительно в кризисе. Это временный провал. Слишком много всего поменялось, и пока Антарта полноценно не встанет на ноги, нам нужно работать и не поддаваться отчаянию.

Мой планшет наполнился цифрами. Я непроизвольно опять взглянул на «жёлтые» трубы, но тут же отвёл глаза. Недалеко от меня располагалась высокая тесная будка, возвышающаяся над лесом труб. Я зашагал к ней, поднялся по наружной лестнице и, открыв дверь, попал в крохотное помещение. Это была единственная на станции постройка с большими окнами. Они плохо удерживали тепло, поэтому будка жарко отапливалась. За столом у окна сидел дежуривший сегодня Ижу. Это был общительный парень двадцати одного года – чуть младше меня, – обожавший быть в центре внимания. Дежурство в башне было бы для него сущим адом, если бы не другая его страсть: Ижу вырезал игрушку из дерева. Иногда он посматривал на трубы и машинное отделение.

Я снял верхнюю одежду и сел за небольшой столик в углу, чтобы прилично оформить отчёт. На основе ежедневных записей о давлении и отчётов по добыче составлялись месячные анализы. По ним можно было строить предположения об объёмах топлива в месторождении. Я об этом мало что знал. Стрелки скакали день ото дня из-за процессов, скрытых на большой глубине под землёй. Но, перелопатив огромный массив данных, можно было наметить признаки изобилия или истощения запасов.

Нужно было превратить мою страшненькую писанину в ровные маленькие цифры на подходящем бланке. Переписывая числа, я, как обычно, попытался припомнить, какие показания были вчера. Каждый раз я пытался найти какую-то логику в изменениях, но у меня никогда не получалось. Сегодня отличалось от вчера, как любой день отличается от другого. На выходе же всё равно получается то же самое. Почему? Не так давно мы работали гигантскими сменами. В иной день они достигали шестнадцати часов в сутки. А потом рабочие завоевали себе право на восьмичасовой рабочий день, обязательный выходной по воскресеньям и социальные гарантии. Не прошло и года, как смены снова начали увеличиваться. Как будто мы просто бежали по кругу. Единственное, в чём чувствовалось отличие, так это в отчётах. Раньше они отправлялись за океан, а теперь все вычисления производились на «Январе».

Я заметил, что вписал одну из цифр не туда, и опять встряхнул головой. Нужно помнить, о чём говорил Менáги – глава Антарты. Быстрых результатов мы не добьёмся. Нужно стиснуть зубы и продолжать. У нас пока слишком мало ресурсов, чтобы расслабляться.

– Ты знал, – произнёс Ижу, не поднимая головы, – что на первых станциях счётчики выводили прям к дежурному?

– Нет, – ответил я.

– Там не надо вертеть башкой весь день. Глаза поднял – глянул. Если где стрелка ушла в «красную», прям сразу можно подкрутить насос.

– Это удобно, конечно, – отметил я, почти не вдумываясь в его слова и пытаюсь сосредоточиться на работе.

– Скоро у нас тоже так сделают.

Мой настрой энтузиаста снова дал течь, и я выпалил:

– Что-то они затягивают.

– Ну, походу, там какие-то проблемы есть, – ответил Ижу, продолжая орудовать ножом. – Менаги уж наверно понимает, что к чему.

– Проблемы? – спросил я, наконец отрываясь от отчёта.

– Ну, если стройку-то переносят, значит, какие-то сложности есть.

Очень многое в Антарте было незаконченным. Первоначальный проект был смелее, футуристичнее. Но по мере возникновения проблем запал благородных семей, начавших освоение Антарты, иссякал. В итоге многие временные решения в постройке станций, прокладывании дорог и электрификации оказались постоянными. Взяв бразды правления в свои руки, Менаги увлёк нас идеей преобразования Антарты, отказом от полумер. Но с тех пор мало что изменилось.

– Какие сложности? – я задал вопрос, который мучил меня последние недели.

– Ну, я не знаю, – ответил Ижу, – но сам сообрази, сколько народу уехало отсюда. Менаги поди не рассчитывал, что они все драпанут!

Эта простая мысль, вылетевшая из уст вечного оптимиста Ижу, поразила меня. Вряд ли кто-то знает точно, но по ощущениям треть, если не половина людей уехала домой в разгар кризиса.

– Хрен его знает, конечно, – продолжал Ижу. – Но моё-то дело маленькое. Об остальном пускай «Январь» думает.

Перед его незамысловатой верой в светлое будущее мне стало немного стыдно. Ижу, в отличие от многих, никогда не жаловался, что наши мечты о чудесной независимой Антарте не сбылись по щелчку пальцев. Я не мог понять, как ему удавалось сохранять этот позитивный настрой. Противостоять поднимающейся волне всеобщего уныния. Почему-то этот оптимизм не заражал меня, а лишь выбивал из равновесия. Меня сегодня всё выбивало из равновесия.

Пока я размышлял над секретом Ижу, он вдруг прекратил орудовать ножом, приподнялся и спросил, глядя в сторону куда-то через окно:

– Чё он там делает?..

Я выглянул вслед за ним. Снаружи кто-то бежал вдоль труб. Кажется, это был Галаш. Проследив, куда он спешит, я узнал «жёлтую» трубу. Под счётчиком приёма она вся покрылась чернотой. Галаш почти добежал, когда вентиль сорвался с места и ударил рабочего в грудь. Я вздрогнул от неожиданности. Из трубы фонтаном забило топливо, поливая лежащего на снегу Галаша. Мы с Ижу набросили куртки и кинулись вниз. До машинного отделения отсюда была слишком далеко, поэтому мы побежали к трубе. Достаточно было закрутить вентиль подачи, чтобы остановить насос.

Мы почти добрались, когда Ижу крикнул:

– Позаботься о нём! – а сам бросился к трубе.

Для меня это было как удар по голове. Я думал, что Ижу будет разбираться с Галашем. У меня понятия не было, что нужно делать. Галаш был уже весь чёрный, а сверху на него всё ещё лило потоком. Я схватил его за шиворот, вытащил из под фонтана и испугался. Можно ли его двигать вообще?! В первый момент меня поразила мысль, что Галаш мёртв, но он вдруг

закашлялся и начал размахивать руками. Я оцепенел и просто наблюдал за его конвульсиями. Пытаясь завернуть неподдающийся вентиль, Ижу злобно крикнул:

– Давай, твою мать!

Галаш был жив, но травмирован. Сомневаясь в том, стоит ли что-то делать, я всё же закинул его руку себе на шею и начал поднимать. Галаш встал, отчего я почувствовал мгновенное облегчение. Он спустил маску и начал отплёвывать нефть, попавшую в рот. Он был гораздо крупнее, чем я, и еле стоял на ногах, растекаясь по мне. Вместе мы поковыляли к жилому корпусу.

Галаш шёл неровным шагом и иногда сильнее наваливался на меня. Мне казалось, что мы вот-вот рухнем в снег. От его стонов у меня что-то ёкало внутри. Я не знал, насколько тяжело он ранен. Может, я как-то задеваю его своими движениями? Делаю ему ещё хуже. Мне хотелось поскорей добраться до станции и отдать его доктору, но мы не могли идти быстро. Нефть капала с него на снег. Цветные узоры на моей куртке тоже покрылись чёрными пятнами. Я не набросил капюшон, когда выбежал из башни, и теперь чувствовал вязкую жижу, растекающуюся по шее и правой щеке. Галаш продолжал кашлять и отплёвываться. Я боялся увидеть, как он отхаркивает кровь, но на снегу оставались лишь чёрные пятна.

На полпути нас догнал Ижу, который уже разобрался с трубой и подхватил Галаша с другой стороны. Мне стало гораздо легче, и идти можно было быстрее. Мы ворвались в жилой корпус и дотащили пострадавшего до медпункта. Внутри был Вайша – один из двух врачей станции.

– Что с ним? – спокойно спросил он.

Мы рассказали, что произошло, укладывая постанывающего Галаша на стол.

– Ладно, – сказал Вайша, – понятно. Теперь уходите, я им займусь.

Я растерянно оглянулся на Галаша, как будто ещё чем-то должен был ему помочь. Но Ижу потянул меня за рукав, и мы вышли. Неожиданно для меня у медпункта уже собрались несколько рабочих, в волнении ожидающие новостей. Ижу стал рассказывать им про трубу, а я отошёл и привалился к стене. Меня не покидало чувство, что я должен что-то сделать.

Через пару минут до меня дошло, что это ощущение совсем о другом. Я вспоминал каждый свой шаг и ни в одном не был уверен. У Галаша, должно быть, раскрошились рёбра. Может быть, я должен был позвать Вайшу к нему? Может быть, я сделал только хуже? Галаш всю дорогу до станции стонал. Может быть, ему вообще нельзя было вставать на ноги. Что если Галаш умрёт, потому что я не оставил его там? Что если бы он умер, если бы оставил?

Я понятия не имел, как нужно было поступить, и каждый из вариантов казался ошибкой. Между тем в коридоре скапливалось всё больше людей. На шум пришёл Катан. Мне не хотелось ни на кого смотреть, и, к счастью, Ижу взял всё внимание на себя. Он без конца пересказывал одну и ту же историю вновь подходившим людям.

Меня трясло, пока мы ждали новостей. Наконец, дверь медпункта открылась, и на пороге появился Вайша. Я ощутил холод в груди. С моего места не было видно, что происходит в кабинете. Вайша прикрыл за собой дверь и тихим спокойным голосом сказал:

– Жить будет.

– Что с ним? – спросил Ижу.

– Парню повезло. Куртка смягчила удар. Ушиб груди, рёбра вроде целы. Отлежится немного и будет в порядке.

Я шумно выдохнул с облегчением.

– Хорошо, – сказал Катан и обратился к людям: – Возвращайтесь к работе. Всё в порядке.

Рабочие начали расходиться, хотя напряжение до конца не улетучилось. Я хотел выйти с остальными, но Катан меня остановил:

– Ашвар! Пойдём со мной.

Мне показалось, что я услышал суровые нотки в его голосе. Мы прошли в кабинет начальника станции, такой же тесный, как и всё здесь. Великан Катан пробрался на своё рабочее место через узкую щель между столом, заваленным разным барахлом, и шкафом, в котором царил такой же бардак. Я снял пропитанную нефтью куртку и присел напротив. Сердце всё ещё гулко стучало в груди.

Начальник станции не любил яркий свет, поэтому окно было занавешено. Кабинет освещала слабая электрическая лампа. Вездесущее электричество вообще было отличительной особенностью колоний – почти весь мир всё ещё использовал свечи, керосиновые и газовые лампы. Я понятия не имел, как Катану хватало этого света, учитывая, что в его возрасте у некоторых начинались проблемы со зрением.

Начальник станции зажёг сигарету, отчего я немного поёжился. Конечно, нас разделял стол, но открытый огонь не вызывает тёплых чувств, когда ты перемазан в нефти. Катан убрал пачку в стол и откинулся на своём стуле.

– Ну и какого хрена, Ашвар? – спросил он почти равнодушным тоном.

– Ты о чём? – не понял я.

– Какого хрена прямо после твоего обхода ранило человека?

– Давление было повышенным, но в пределах нормы...

Я поймал себя на том, что чувствую вину.

– Я могу принести свои записи. Они остались в башне, я не успел переписать.

Катан посмотрел на меня и затянулся сигаретой. Он не собирался меня ни в чём обвинять. Слово всё было ясно, а Катан формально уточнял детали. Выпустив дым из лёгких, он заговорил:

– Ладно, похоже, это вопрос к Шиму. Не знаешь, где он? Его не было в коридоре.

– Он собирался сделать повторный обход после меня.

Дверь за моей спиной скрипнула, я обернулся и увидел главного инженера.

– Лёгко на помине! – довольно произнёс Катан. – Как наши дела?

Шиму опустился на другой стул рядом со мной. Он не снял куртку, хотя в помещении было довольно жарко.

– Давление подскочило, – сказал главный инженер, – но это было ожидаемо. Один насос вышел из строя. К вечеру их может стать больше. Сколько было жёлтых? – это было обращено уже ко мне.

– Только один, – ответил я. – Он и лопнул. Я его не трогал.

– Похоже, давление остальных его перегрузило, – сказал Шиму. – Техника не дружит с бюрократами.

– Что предлагаешь? – спросил Катан, не выражая ни малейшего раздражения, хотя новости были так себе.

– Да ничего! – Шиму, напротив, был очень зол. Он снял перчатки и с отчаянием бросил их на стол перед собой. – Новую трубу нужно прокладывать! Или две. С этим насосом разберёмся, но, скорее всего, потребуются запчасти. Может, просто резьбу сорвало, а может, и труба пострадала. У нас же всё делали из говна!

Катан потушил сигарету, открыл ящик стола, вытащил оттуда бланк и протянул Шиму:

– Составь список. Ашвар съездит на «Январь» и получит всё необходимое. Надеюсь, хоть с материалами у Менаги перебоев нет.

Новость о поездке на центральную станцию вызвала у меня противоречивые чувства. С одной стороны, мне хотелось остаться и узнать, что с Галашем. Слова Вайши меня почему-то до конца не успокоили. С другой – это был шанс выпрыгнуть из всего этого напряжения.

– А люди? – между тем завёл старую песню Шиму.

– Я же тебе сказал... – начал Катан, но Шиму его перебил:

– Тут одним увеличением смен уже не обойдёшься! Для прокладки трубы мне придётся оторвать от добычи половину персонала, если не больше.

Катан посмотрел главному инженеру в глаза. Было ощущение, будто между ними происходит безмолвный поединок.

– Хорошо, – Катан поднял руки, сдаваясь, – я свяжусь с «Январём» и опишу им нашу ситуацию. Но ничего не обещаю.

Шиму хотел уйти, но начальник станции его остановил:

– погоди, отдай свою куртку Ашвару.

– А я в чём буду ходить? – недовольно спросил Шиму.

– Он же всё поперемажет, – ответил Катан. – Давай, не жмись! Найдём тебе что-нибудь.

Шиму снял куртку, повесил на стул и вышел. Катан обратился ко мне:

– Ты тоже иди, собирайся. Шиму передаст тебе бланк, Маги подготовит вездеход. Выезжай как можно скорее. Свою куртку здесь оставь.

– А отчёт? – спросил я.

– Да хрен с ним, сам твои цифры перепишу.

Я чуть не ушёл, но вернулся к своей куртке. Вытащил из кармана фигурку лани и переложил её в одежду Шиму. Мы вышли из кабинета. Катан направился в телефонную, а я зашёл к себе, чтобы переодеться и взять немного денег. Здесь была какая-то совсем другая атмосфера. Тихая одинокая комната, странно уютная в этой своей тесноте, контрастировала с коридором, постоянно оглашавшимся топотом тяжёлых сапог и разговорами рабочих. Я присел на кровать и обратил внимание, что мой свитер даже спереди оказался в пятнах. Почему-то их вид вызывал у меня чувство усталости. Конечно, я успел здорово переволноваться, но эта усталость была о чём-то другом. И она была настолько тяжёлой, что мне хотелось занять себя хоть чем-нибудь, только бы сбежать от неё.

Я снял свитер и майку, подошёл к раковине и принялся смывать со своей шеи и правой щеки чёрные пятна. Но вода и мыло не слишком помогали. Я достал из шкафчика щётку, которой раньше чистил раковину, и начал тереть кожу, пока не почувствовал боль. Снова умывшись, я поднял голову и посмотрел в зеркало. Небольшой след остался.

А потом я увидел своё до сих пор напуганное лицо. Как-то на автомате я изменил выражение лица: из зеркала на меня снова смотрел бойкий парень. Только вот рот предательски кривился. Мне вдруг захотелось ударить по этой фальшивой роже. Пошло оно всё на хер! День за днём я пытаюсь верить, что всё хорошо, но дела идут только хуже!

Я резко отвернулся от зеркала, но в этот раз мне не удалось перебить свои мысли. Да и сил уже не было. Хотя привычка бежать в повседневные заботы сохранялась. Поэтому я машинально стал делать то, что собирался. Открыл тумбочку, достал свежий комплект одежды и деньги. Положив второй свитер на кровать, я вдруг остановился, разглядывая монеты в руках. Впервые мне бросилось в глаза, что они отчеканены в Лакчами. Мы всё ещё пользовались ими.

Лакчами – родная страна для меня и большинства в Антарте – основала этот проект. Масштабное Освоение заснеженного материка в поисках топлива. В последние месяцы своего правления здесь, очень скоро после моего прибытия, благородные семьи Лакчами начали всё больше и больше усиливать давление на рабочих. Заокеанские правители пытались выжать из Антарты максимум и добились общественного взрыва. Забастовки и бунты быстро переросли в настоящую революцию, по итогу которой мы получили независимость. Мы освободились от бесконечной эксплуатации, чтобы... чтобы что?

Мы начали дышать полной грудью и были полны энтузиазма. Но вот эйфория прошла, а дела в Антарте были далеки от прорыва, на который мы все рассчитывали. Развитие добывающих станций остановилось настолько давно, что здесь накопилось множество проблем. Гораздо больше, чем мы ожидали. Все эти временные решения начинали трещать по швам. До смены власти мы считали, что главная проблема в деньгах, что уходили за океан. Но мы пере-

стали выплачивать «долю Лакчами», а никакого прорыва не произошло. Похоже, революционная администрация только недавно в полной мере поняла, насколько несбыточны наши мечты о быстром преодолении кризиса. Резко понизив смены, «Январь» столкнулся с недостатком средств. А те ужесточения, что он начал вводить в последнее время, всё чаще вызывали ассоциации с дореволюционными временами.

Я закрыл глаза и глубоко вдохнул. Это просто усталость и тревога. Чёрт! Насколько труднее стало держать себя в форме! Неясное будущее после столь яркой надежды давило на нас всех. Сколько времени всё это продлится? Новость об экспедициях вдохновила бы нас, если бы Менаги мог провести их раньше, когда мы только отвоевали свободу. Но сейчас для всех это означало лишь новое ухудшение условий работы.

Мне вдруг стало стыдно. Только мы сами могли позаботиться о себе. Никто не мог обеспечить нам будущее, а именно оно и стояло на кону сегодня. Экспедиции были необходимы – рано или поздно все действующие станции исчерпают запасы. А я жалел себя в этих условиях. Как же трудно отделаться от этого ощущения, что дальше будет только хуже! Нужно мириться с неудобствами. В конце концов, никто не тянул меня остаться. Даже сейчас я мог вернуться домой.

Эта мысль наконец привела меня в чувства. Мне словно под нос сунули нашатырь. Как бы плохо здесь ни становилось, я ни за что не хотел возвращаться в Лакчами.

Я перевёл дух, сунул деньги в карман куртки, оделся и вышел. В коридоре на меня чуть не налетел Шиму. Главный инженер протянул мне заполненный бланк и удалился. Я прошёл по коридору к комнате связи и приоткрыл дверь. В маленькой каморке с голыми стенами, треть которой занимал стол с огромным телефонным аппаратом, теснились Катан и Умак. Скрип двери привлёк внимание начальника станции. Он обернулся и, увидев меня, попросил диспетчера на «Январе» подождать. Катан вышел в коридор и сказал мне:

– Вездеход прогревают. Можешь идти, Ашвар.

Я сделал шаг в сторону, а Катан схватился за лоб и произнёс:

– погоди! Чуть не забыл! Для новой установки, скорее всего, придётся взрывать породу.

Принеси мне бланк запроса.

– Где его взять? – спросил я.

– У меня в кабинете, посмотри в ящике стола. Мне тут не оторваться, нужно договориться с «Январём».

Я вернулся в кабинет Катана и без проблем пролез к столу. Когда я потянул ручку верхнего ящика, он уцепил за собой и нижний. В таком же захламлённом столе, как и всё кругом, я обнаружил кипу пустых бланков. Взяв один, я закрыл верхний ящик, но нижний остался открытым. Я мельком бросил туда взгляд и, к своему удивлению, обнаружил внутри револьвер. Он валялся там вместе с открытой пачкой сигарет и небольшой лакированной коробочкой, на которой красовался герб Лакчами. Ручка револьвера была с инкрустацией: тигриная голова застыла в зверином оскале посреди лиан, переплетающихся между собой и усыпанных цветами.

Мне была любопытна и коробочка, поэтому я аккуратно приоткрыл её. Внутри обнаружилась медаль, покоившаяся на красном бархате. Это была золотая звезда. Насколько я знал, подобные награды выдавали за личное мужество, проявленное в бою. Мы все были в курсе, что Катан участвовал в Патейской войне, но я понятия не имел, что он удостоился таких высоких наград.

Меня ждали дела, поэтому я закрыл коробочку, поставил ящик на место и отправился обратно в телефонную. Начальник станции всё ещё вёл переговоры с «Январём». Я тихо сунул Катану бумагу, за которую он тут же взялся, продолжая слушать диспетчера. Кажется, речь шла как раз о материалах, за которыми меня отправляли. Катан заполнил бланк и закончил разговор. Мы снова вышли в коридор, и начальник станции сказал мне:

– Если насчёт взрывчатки будут жаться, скажи им, что фигу Менаги получит, а не топливо!

Я мрачно усмехнулся, взял бланк и направился к выходу. Позади я услышал голос Шиму, обращённый, по всей видимости, к Катану:

– Ну что там?

– Ничего! – сказал начальник станции. – «Своими силами».

Я обернулся и посмотрел на них.

– Твою мать! – выругался Шиму. – А зэки?

– Сидят за решёткой. Наверно, Менаги – большой гуманист.

Катан хлопнул главного инженера по плечу и сказал:

– Ну, хрена ли делать! Когда мы были не сами по себе?

Они разошлись по своим кабинетам. Я же вышел наружу. Там, у двери, стоял Вайша, который предпочитал курить на открытом воздухе, даже если это предполагало, что он будет торчать на морозе. Увидев меня, он вынул сигарету изо рта и спросил:

– Что? Похоже, такого снова будет больше? – он кивнул на дорожку из пятен, тянущуюся от места аварии к жилому корпусу.

Обратив на них внимание, я вздрогнул. На какое-то мгновение мне показалось, что это кровь. Но наваждение моментально исчезло. Поглядев ещё раз на чернильные пятна, я лишь покачал головой и зашагал к гаражу. Там меня уже ждал прогретый фыркающий вездеход. Ему были чужды наши мрачные предчувствия.

Глава II. Январь

Я снял куртку, не убирая ногу с педали газа. В дороге вездеход прогревался так, что в нём становилось нестерпимо жарко. Но это было плюсом. Громоздкие вездеходы были единственным сухопутным транспортом в Антарте и ещё одним символом прогресса. Автомобили изобрели три десятка лет назад, и они потихоньку завоёвывали популярность по всему миру. Но машины были предметом роскоши, большинство людей всё ещё передвигалось на повозках, запряжённых лошадьми. В Антарте всё было иначе. Гусеничную тягу создали незадолго до начала Масштабного Освоения, и она оказалась идеальным вариантом для местных условий. За всё время проекта Лакчами перевезла сюда больше сотни вездеходов – неслыханное количество. Для нас они были повседневностью. В остальном мире многие вообще не знали о существовании этих машин.

Солнце заволокло облаками. С неба неспешно падали хлопья снега, мгновенно тающие на тёплом лобовом стекле. Мне приходилось постоянно вертеть ручку дворников, чтобы что-то разглядеть и не сбиться с еле различимых дорог Антарты. Белоснежные долины и горные ущелья, тоже засыпанные снегом, однообразно сменяли друг друга. Новичок легко бы заблудился здесь, но за своё время работы в Антарте я научился хорошо ориентироваться на этом маршруте. Секрет был в том, чтобы запомнить куда ведёт поворот за очередным холмом или скалой. На сами дороги полагаться не приходилось – их быстро заносило. Магистральные линии, вроде пути от «Января» до порта или крупнейших станций, были хорошо помечены по всей длине, потеряться там было сложно. На нашей же дороге стояли лишь редкие чёрные столбики.

Сегодня я мог немного расслабиться. Когда я забрался в вездеход на «Заре», внутри уже сидел Нанг – один из рабочих. По пути на «Январь» он тоже посматривал на дорогу. Нанг был старше меня на пару лет и недавно отметил своё двадцатипятилетие. Покрупнее меня, обычно спокойный, но в последнее время постоянно задумчивый и встревоженный. У него на «Январе», как и у многих, была семья. Как-то прослышав, что я собираюсь на центральную станцию, Нанг моментально нашёл Катана и выклянчил возможность составить мне компанию.

– Я уже месяц своих не видел, – жаловался он мне. – А с посменной работой впрягут так, что вообще будет не выехать.

Я усмехнулся про себя, думая о том, что Катан пытался сделать из новых норм какой-то секрет. Вслух же я произнёс:

– Ну воскресенья всё равно останутся.

– Если уж они хотят крутить насосы без остановки по будням, то с чего бы их остановили в выходной?

– Какое-то послабление будет наверняка, – не очень-то уверенно ответил я.

– Не знаю, Ашвар. Думаю, что я своих ещё не скоро увижу. Хорошо хоть, что всё это теперь не зря.

Он умолк на минуту и вытащил из кармана деревянную фигурку мартышки.

– Видал? – довольным тоном произнёс Нанг. – Карапузам везу. Ижу нормально так по дереву работает.

Игрушка и правда была довольно неплохо вырезана. Конечно, она не могла сравниться с теми, что были в моём детстве, но мои были совсем другого класса. Тем не менее работа была тонкой. Ижу сумел запечатлеть мартышку с каким-то забавным выражением, в котором глуповатость смешалась с любопытством.

– Зачем он тут торчит? – продолжал Нанг. – Дома мог бы лавочку открыть и жить нормально.

– Кажется, об этом стоило немного раньше подумать, – заметил я.

– Да уж, это точно, – задумчиво ответил Нанг.

По правде говоря, даже если бы Ижу не поехал в Антарту, а всерьёз занялся игрушками, ему бы всё равно еле удавалось сводить концы с концами. В Лакчами было лишь два вида билетов в хорошую жизнь: военная служба и благородное происхождение. Конечно, исключения всегда можно найти, особенно среди торговцев, но обеспеченные мастера в любом деле были редкостью. Поэтому Антарта до всего этого прессинга со стороны правительства была перспективным направлением. Оплата здесь превышала самые смелые ожидания рабочего класса Лакчами. Впрочем, кого попало сюда не набирали.

Переезд из вечнозелёной страны, значительная часть которой покрыта джунглями, в этот морозный край был большим стрессом сам по себе. Дома мы почти не нуждались в системах обогрева, а здесь всё зависело от сохранения тепла. Любая поломка могла поставить под вопрос жизни людей. Несколько часов без крыши над головой могли убить тебя. Этот край был наполнен неведомой опасностью. Антарта требовала от незваных гостей осторожности, внимания, умеренности и крепких нервов. Передовые технологии сглаживали некоторые углы, но рабочим всё равно приходилось быть готовыми к суровым условиям жизни.

Как будто их жизнь в Лакчами была недостаточно сурова. Здесь это оправдывала сама природа, но там? Мой родной континент был переполнен жизнью, плодородием. Только вот оно почему-то предназначалось не для всех. Нанг, к примеру, оказался здесь с семьёй лишь потому что не нашёл способа прокормить их дома. Когда-то он работал на заводе, который позже закрылся, и все рабочие оказались ни с чем. На таких местах невозможно было что-то накопить, только обеспечить себе следующий день.

Я оборвал эти мысли. Мне не хотелось снова думать о Лакчами. К тому же моё внимание привлекла изменившаяся дорога. На последних километрах до «Января» разные пути с юга сливались в один. С перекрёстка обочины были обрамлены деревянными бортами. Кое-где доски покосились или совсем завалились набок из-за сильных бурь, но в целом по-прежнему служили хорошим ориентиром.

Обогнув последнюю скалу, мы выехали в огромную долину, усыпанную ветряками с медленно проворачивающимися лопастями. На этой равнине, среди леса электрогенераторов, находилась центральная станция Антарты. «Январь» отличался от остальных колоний – это был настоящий городок, с которым не могло сравниться даже портовое поселение.

Я заехал на единственную улицу и миновал больницу. Возле одного из общежитий я остановился.

– Комнату помнишь? – спросил Нанг.

– Шестнадцать, вроде, – ответил я.

– Да. Когда мы обратно?

– Не знаю. Как всё загрузят. Задерживаться, сам понимаешь, сегодня нельзя.

– Да, – недовольно сказал Нанг, открыл дверь и соскочил наружу, – надеюсь, хоть часок у меня будет.

Он закрыл дверь и зашагал ко входу в здание. Я же повёл машину к гигантскому зданию центрального склада. В отличие от «Зари», здесь все постройки были сложены из кирпича. Некоторые возвышались на несколько этажей, что было нехарактерно даже для самых больших добывающих станций. Мне нравилось здесь бывать, особенно учитывая, что в последнее время кому-либо из нас редко удавалось вырваться на «Январь». Когда-то он был центром развлечений – в клубе даже иногда показывали фильмы. Потом сломался граммофон, воспроизводивший музыку к киноленте, а ещё позже нам всем стало не до того из-за возросших смен.

Воспоминания о прежних днях быстро пронеслись в голове и выветрились, когда, в ответ на мой клаксон, ворота склада открылись. Я завёл вездеход внутрь, чтобы оставить его здесь до отъезда – пары часов на морозе было достаточно, чтобы машина прекратила заводиться. К моему удивлению, место для парковки было трудно отыскать. Склад был забит таким количеством техники, какого я никогда не видел. Вокруг сновали механики, ковыряясь в двигателях.

Некоторые машины были заведены и тарахтели многоголосьем. Бочки с топливом, которые обычно занимали большую часть помещения, сегодня теснились вдоль стен, возвышаясь многоэтажными пирамидами.

Я нашёл где оставить машину и заглушил двигатель. Выбравшись, я направился к выходу, по пути нацепляя куртку. Кругом царил невообразимый шум и суматоха. Недалеко от двери на моём пути стоял механик, отдающий распоряжения подчинённому. Старший пытался перекричать всю эту суету, и его слова были слышны даже мне:

– ... Жёлтый глохнет, когда сбрасываешь газ. Им, конечно, нечасто пользуются, но заодно посмотри его. Главное, проверь E08 и M17. Да возьми ты уже блокнот, растяпа! – вдруг ещё больше повысил голос он. – Забудешь же всё!

Я как раз проходил мимо, когда младший побежал за блокнотом. Старший вскинул руку, останавливая меня, и сунул мне под нос планшет с каким-то списком.

– Это что? – крикнул я.

– Распишись за технику, – проорал он.

Это было необычно. Раньше никто не контролировал эти вопросы – кому придёт в голову угонять чужой вездеход? Я присмотрелся к списку и увидел, что речь идёт о каком-то перегоне машин.

– Кажется, это ошибка. Я ничего никуда не перегоняю. Я приехал за материалами и на этом же вездеходе вернусь обратно.

Механик посмотрел на меня, на машину и убрал планшет, а я спросил:

– А для чего это всё?

– Ты не слышал? – удивился механик. – Менаги устраивает самую большую разведку за всё время. Он собирает всю технику, какую может, чтобы отправить экспедиции сразу в нескольких направлениях.

Он осмотрелся и добавил:

– Некоторые вездеходы на ладан дышат, а новые всё приходят и приходят. Надо куда-то этот металлолом девать, а то уже сейчас они еле влезают...

Механик замолчал, оглядывая ряды машин, а я спросил:

– Где Менаги собрался взять столько людей?

– Не знаю. Похоже, постоянных работников с колоний переведут в разведку.

– Кто же тогда будет добывать топливо?

– Я не знаю. Моё дело вообще маленькое, мне только учёт нужно вести, да проверять, чтобы всё это железо было на ходу.

– Надеюсь, – я усмехнулся, – к моему возвращению конкретно этот вездеход никуда не уйдёт.

В этот момент вернулся младший механик, и старший переключился на него, кажется, пропустив моё замечание мимо ушей:

– Так вот, E08 и M17 проверь, а потом займись теми, – он ткнул в несколько машин, стоявших отдельно. Младший механик еле поспеивал записывать за ним.

Я понял, что наша беседа окончена. Эта выставка машин мрачно подсказывала, что мои представления о непростом будущем были слишком оптимистичными. А я с ними только-только примирился.

Размышляя об этом, я покинул склад, пересёк улицу и вошёл в здание администрации. Просторный вестибюль, утопающий в сумраке, встретил меня шорохами, звуками хлопающих дверей и эхом разговоров. Здесь всё жужжало в унисон складу – громче, чем обычно. Я подошёл к стойке дежурного. Позади неё, на стене, до сих пор красовался плохо стёртый герб Лакчами. Дежурный направил меня в нужный кабинет для утверждения запроса на материалы, но получить взрывчатку по-прежнему можно было только через координатора проекта – устаревшая схема оборота оружия и опасных веществ всё ещё действовала. Должность координатора

проекта после революции слилась с новоиспечённой позицией главы Антарты. Меня взволновала возможность лично увидеть легендарного Менаги, которого многие из нас считали избавителем колоний от власти Лакчами. Вот только на месте его не было.

– А где он? – поинтересовался я.

– Проводит инструктаж по экспедициям в здании фермы, – не поднимая головы, ответил дежурный. – Но лучше подождать его здесь. Туда всё равно никого не пускают, кроме участников экспедиций.

– На ферме? Зачем? – «Январь» сегодня не прекращал удивлять.

Дежурный оторвался от своих дел и посмотрел на меня.

– Им нужно было очень много места, – ответил он, – Менаги согнал большую толпу рабочих.

– Да? Нас даже не предупреждали...

– Никого не предупреждали, – равнодушно отозвался дежурный, – это приезжие. Менаги набрал для этого новых людей за рубежом.

Трудно описать облегчение, которое несла эта новость. Значит, нам не придётся возвращаться к условиям времён Лакчами. Экспедициями займутся новые команды, а мы будем снабжать их топливом, пока они сами не найдут месторождения. Возможно, на несколько месяцев придётся хорошенько напрячься, зато потом всё станет гораздо лучше. Больше топлива – больше денег, а значит, нас ждали благополучные времена.

Я думал, что часть персонала с «Зари» будет переведена на экспедиции. После разговора с механиком ситуация стала выглядеть ещё хуже. Так что новость о новых рабочих просто окрылила меня. Даже сгустившееся в последние недели разочарование перестало быть таким монолитным. Я быстро получил подтверждение на свой запрос по материалам и отнёс его на склад. Пока я ждал погрузки труб в взведход и возвращения Менаги, можно было зайти в клуб и выпить чего-нибудь горячего. Выйдя со склада, я посмотрел в конец улицы, за которым открывался вид на ветряки и стоявшее поодаль огромное здание фермы, величественно проступающее из снегопада. Некоторые считали его символом расточительства – учитывая затраты на постройку и поддержание этого искусственного огорода, продукты с него были не сильно дешевле, если не дороже, чем доставка из-за океана. Но мне ферма казалась символом независимости Антарты, и было что-то знаковое в том, что экспедиции начинают свой путь именно отсюда.

Я вошёл в клуб воодушевлённым и сразу ощутил странный диссонанс местной атмосферы со своим состоянием. Здесь царил то же настроение, какое одолевало меня всего полчаса назад. Жалюзи на окнах были наполовину закрыты и слабо пропускали свет с улицы, отчего зал утопал в полумраке. На большинстве столов стояли перевернутые стулья. Сцена терялась в темноте, и всё заведение казалось безжизненным. Я не сразу заметил, что на одном из столиков включена лампа, тусклый свет которой падает на двух посетителей. Бармен, казалось, дремал, когда я подошёл к стойке и заказал себе кофе. Он молча наполнил мне кружку, взял деньги и вернулся в своё сонное состояние.

Я не стал донимать его разговорами и направился к единственным гостям клуба. Это была странная парочка: старик с длинными седыми волосами, зачёсанными назад, и молодой парень примерно моего возраста. Оба сидели в куртках, хотя в клубе было не так уж и холодно.

– Позволите? – спросил я, подойдя к столу.

– Разумеется, присоединяйтесь, – ответил старик.

– Ашвар Шел-Тулия, – представился я.

– Карру Шблла, – отозвался старик.

– Майф, – представился парень.

– Карру Шолла?! – я уже и не гадал, какие ещё сюрпризы меня ждут сегодня. – Архитектор?

– Прошу... – старик поморщился, – давайте, пожалуйста, обойдёмся без восторгов и просто проведём время в беседе с интересными людьми.

Я еле удержался от вопросов. Карру Шолла был ещё одной местной знаменитостью, которая, пожалуй, затмевала даже Менаги. Всё лучшее и наиболее прогрессивное здесь было его заслугой. До меня доходили слухи, что Масштабное Освоение предполагалось провести, построив кучку станций, вроде «Зари», только ещё экономичнее, если не сказать беднее. Но когда Шолла, успевший зарекомендовать себя в Лакчами, был назначен на проект главным архитектором, планы преобразились. Повсеместная электрификация, недоступная на тот момент большинству городов, полноценная клиника и общежития, амбициозная ферма – всё это были его идеи. Да весь «Январь» – город среди бескрайних снегов – был бы одним большим складом с парой бревенчатых барачков, если бы Шолла не продавил своё видение на совете благородных семей.

Я никогда не встречал его раньше, но ни о ком другом до Менаги здесь не говорили так много. В изумлении я сел на стул, затаив дыхание и приготовившись ловить каждое его слово. Но я совершенно не ожидал, что главный архитектор Антарты окажется простым человеком из плоти и крови, а не демиургом, создающим новые миры.

Когда я только прибыл на континент, белая пустыня произвела на меня гипнотическое впечатление. Это и неудивительно, учитывая, что в Лакчами снег бывает только на далёком севере или высоко в горах, а я не был ни там, ни там. Мне казалось, что здесь ничего невозможно возвести. Конечно, здания «Января» не могли сравниться с усадьбами благородных семей, в которых я провёл своё детство, или дворцами на городских площадях. Но и эти кирпичные постройки, вместе с завораживающими синхронностью движений ветряками, казались магическими, созданными руками не людей, но сверхсозданий, вроде бога Ракни – покровителя дешёвых рабочих.

Из оцепенения, вызванного этими образами и воспоминаниями, меня вырвали слова Карру Шоллы:

– Мы вместе с юным Маифом обсуждаем всю эту суету последних дней. Как вам, Ашвар, новый амбициозный проект колоний по поиску новых месторождений?

Переход от моих мыслей к повестке дня был настолько быстрым, что я не сразу нашёлся, что ответить. Впрочем, нужные слова мне подсказало собственное воодушевление.

– По-моему, это прекрасно, господин Шолла! – ответил я, отпив немного кофе. – Нам всем в последнее время не достаёт уверенности в завтрашнем дне. Новые месторождения это обеспечат. Больше топлива – больше бюджет. Колонии смогут нанять больше рабочих, мы увеличим объёмы торговли и здорово улучшим здесь жизнь.

Мои собеседники переглянулись.

– Я вижу, вы полны энтузиазма, юный Ашвар, – сказал Шолла с лёгкой улыбкой, – это естественное и полезное качество для вашего возраста. Пожалуй, то, чего не хватает господину Маифу. Как и оптимизма. Впрочем, мы оба в этом грешны.

– Что Вы имеете в виду? – с недоумением спросил я.

– Я считаю, что они ничего не найдут, – ответил Маиф, – во всяком случае не так много, как нам всем хотелось бы.

Что-то в этом парне раздражало меня. Я подумал, что дело в его несколько шепелявом произношении.

– Почему? – спросил я.

– Я не знаю в точности, что происходит на инструктаже, – продолжил Маиф, – не знаю, чем руководствуются новые экспедиции, но вы помните, Ашвар, чем закончились предыдущие поиски?

– Нет, – неуверенно ответил я, – припоминаю, что поток инвестиций уменьшался, но я не вдавался в подробности. Я прибыл в Антарту, когда экспедиции уже были остановлены.

– А почему поддержка колоний сокращалась?

Мне не нравились эти расспросы. Маиф навевал на меня тоску.

– Не знаю. Кажется, на рынок начала активно проникать нефть с Мелай. Благородные семьи вроде проявляли к ней интерес.

– Дело было не только в рынках, – сказал Маиф, – в последние годы новые экспедиции всё реже обнаруживали месторождения. В последний год разведки восемь полноценных, дорожных поисковых команд не нашли вообще ничего. Лакчами потратили огромные деньги, чтобы просто увидеть, как их заносит снегом.

– Ну и что? – мне хотелось ему противоречить, хотя всё это звучало знакомо, и я догадывался, к чему он ведёт.

– Методика не изменилась, Ашвар. Во всяком случае, насколько мне это известно. Господин Менаги вкладывает очень большие суммы в поиски, которые, вполне вероятно, закончатся ничем. Нам нужно тратить не на сами экспедиции, а на изменение всего подхода к поиску топлива.

– Откуда вам знать, что методика не верна? – парировал я. – Со всеми случаются неудачи. Ведь, до того как поисковые группы стали возвращаться ни с чем, разведка проводилась по той же схеме. И на этой методике стоит «Январь», стоит вся Антарта.

– Юный Маиф, – вмешался Шолла, – утверждает, что он был студентом у профессора Укши. Справка, с которой он выпустился, это подтверждает. Вы знаете, Ашвар, кто такой профессор Укша?

Разумеется, я знал. Он был отцом всего Масштабного Освоения. Во время моей учёбы нам все уши прожужжали. Этот человек проделал огромную работу, анализируя известные данные по Антарте. Он смог вычислить геологические признаки, по которым в этом краю можно было отыскать топливо.

– Да, знаю, – ответил я.

– Так вот, – продолжил Шолла, – Маиф был настоящим фанатом профессора и перечитал все его работы. И, что самое интересное, он утверждает, что нашёл в них ошибки.

– Ошибки? – подобное заявление было сродни богохульству. Профессор Укша обладал непререкаемым авторитетом в научных кругах.

Маиф достал из куртки блокнот и карандаш.

– Чтобы не вдаваться в подробности... – он начертил на листе бумаги линию, – представьте, что эта линия представляет собой все месторождения топлива в Антарте.

– Хорошо.

– А теперь... – он провёл ещё одну линию, которая вплотную прилегала к первой. Получалась одна жирная черта. – Эта линия – признаки, которые выделил профессор Укша. По ним мы находим месторождения. Во всяком случае, так обстоят дела, следуя логике профессора.

– Это понятно, линии совпадают.

– Но мне кажется, что дело, на самом деле, обстоит вот так... – Маиф провёл ещё одну линию в стороне, – это у нас месторождения. А это... – он начертил кривую, которая совпадала с новой линией лишь на некотором протяжении, а потом уходила вбок, – признаки профессора.

Я вздохнул, глядя на это наглядное произведение. Оно вызывало смешанные чувства. Мне хотелось усмехнуться, но я удержался от этого.

– Самоуверенно, – подытожил я.

– Мне тоже так кажется, – сказал Шолла, – только вот интересный факт. В справке, которую вместо диплома получил Маиф, высший балл по всем дисциплинам. До выпускного экзамена. Мой юный друг утверждает, что незадолго до этого рубежа он дерзнул высказать свои сомнения профессору. Что интересно, экзамен и передача были безнадежно завалены. Неудовлетворительная оценка за экзамен всё в той же многострадальной справке стоит за подписью нескольких преподавателей, в том числе и нашего уважаемого профессора.

Мне казалось, что Маиф просто придумал сказку, которую всем рассказывал, вместо того, чтобы описать реальную причину конфликта между ним и профессором. Возможно, там было что-то постыдное, чем он не хотел делиться, предпочитая выдавать себя за отвергнутого гения.

– Я вообще не собирался сюда ехать, – сказал Маиф, – мне казалось, что я ошибся и оскорбил профессора. Но когда услышал, что в колониях действительно начались перебои с поиском новых месторождений, я попытался донести свои мысли до ответственных лиц. Разумеется, меня подняли на смех. Я не отчаивался и отправился в Антарту, думая, что здесь будет проще оказаться услышанным. Но, как видите, студент-недоучка никого особо не интересует, кроме господина Шоллы, чья специализация пролегает в иной плоскости. С тех пор я пытаюсь найти новый подход к поиску месторождений, чтобы иметь возможность разговаривать с администрацией Антарты более предметно. Определённый прогресс есть, но моя работа ещё не закончена.

Я не хотел продолжать этот разговор. Это была какая-то гадкая история, особенно учитывая, что я не поверил Маифу. Мне было неприятно, что он наговаривает на уважаемых людей, чтобы повысить собственную значимость. Хотя я не мог отделаться от странного чувства родства с ним. Противостояние с упрямой элитой Лакчами, состоящей из стариков, монополизировавших истину. С их экспертностью и правом распоряжаться жизнями молодых и более бедных. Всё это было мне знакомо не понаслышке. Но всё же я предпочёл сменить тему.

– Господин Шолла, – сказал я, – Вы сказали, что вы оба грешны в отсутствии оптимизма и энтузиазма. История Маифа мне понятна. Но что у Вас вызывает такое настроение?

Шолла улыбнулся.

– Я сижу здесь не первый день, – сказал он, – и хотя мне приятна компания Маифа или ваша... Но как вы думаете, Ашвар, собирался ли я проделывать такой длинный путь, чтобы сутки напролёт пить в баре?

– Вероятно, нет, – ответил я.

– Вот именно. Но колонии уже долгое время не находят мне лучшего применения.

– Ну, Вы можете почивать на заслуженных лаврах, разве нет? Вы создали это место. Вы построили колонии.

– Я бы предпочёл почивать на заслуженных лаврах в своём поместье на лакчамском берегу. Но, кажется, я сижу здесь.

Он посмотрел на меня с какой-то задорной улыбкой, хотя его взгляд был пропитан печалью.

– Что Вы хотите сказать? – спросил я.

– Мне дали мечту любого архитектора, – продолжал Шолла. – Мне предложили построить город с нуля. Целую сеть станций с нуля. Вот только остановили гораздо раньше, чем этот ноль превратился в то, что я действительно хотел сделать. Они сказали: «Извини, старик, у нас нет на это средств». Я даже не успел закончить электрификацию. Почему, по-вашему, на многих станциях насосы до сих пор работают на бензиновых генераторах? Сколько топлива мы теряем на этом? Руководство можно понять. Не их проблема искать, чем заняться престарелому архитектору. Но поверьте мне, мои юные друзья, ничто так не расстраивает, как незаконченный труд.

Я наклонил кружку и заглянул в неё. Кофе закончился. Инструктаж для экспедиций, наверно, тоже. Эта мысль возвращала мне жизнь, которая словно остановилась здесь. И было что-то ещё, что подталкивало меня уйти.

– Думаю, – сказал я, – это ещё не конец, господа. Может быть, это правда, – я указал кружкой на схему Маифа, – но ведь где-то эти линии совпадают. То, что задумал господин Менаги, станет самым масштабным поиском за всю историю Антарты. Хотя бы несколько групп что-

то обнаружат. И тогда колонии будут в порядке, – я кивнул в сторону Маифа, – и у них будут деньги на строительство, – я кивнул в сторону Шоллы.

– А вот это прекрасная логика! – сказал архитектор. – Нам явно есть чему поучиться, господин Маиф!

– Вы сказали, – я обратился к Шолле, – что Вам не хватает оптимизма. Но я не думаю, что Вы остались бы здесь после всего, что произошло, если бы в глубине души не верили, что однажды Вам выдастся шанс закончить своё великое творение, господин Шолла. Тем более, что господин Менаги грезит о превращении Антарты в лучшее место для жизни не меньше, чем Вы. Для его амбициозных планов рано или поздно потребуется амбициозный градостроитель.

Архитектор с улыбкой кивнул и сказал:

– Вот только сроки исполнения его мечты постоянно переносятся.

– Похоже, всё оказалось несколько сложнее, чем все мы ожидали, – ответил я. – Но это не говорит о том, что мы взвалили на себя непосильную ношу. На воплощение планов Менаги просто требуется больше времени.

Я встал и произнёс:

– А теперь извините, господа, вынужден откланяться. Пора возвращаться к ежедневным заботам.

Я снова чувствовал себя прекрасно. Мне казалось, что эти слова преисполнены мудрости, раз мои собеседники с ними не спорят. Странно было снова говорить на этом высокопарном языке лакчамских дворян. В последние годы он казался мне гадким. Слишком уж сильно напоминал о людях, которых вопрос хороших манер занимал больше, чем вопрос порядочности по отношению к другим. Впрочем, кроме как языком, ни Шолла, ни Маиф ничем не походили на типичных аристократов. Архитектор мне понравился, хоть его настрой и рушил образ всемогущего строителя. А чтобы проникнуться симпатией к горе-студенту мне не доставало настоящей мудрости. Понимания того, что меня раздражает не его претенциозность или шепелявость, а то, что его слова сбивали моё воодушевление. Всё это и толкало меня покинуть эту парочку. Они лишали меня чувства, которое я не испытывал очень давно и боялся потерять.

***

Когда Менаги вернулся с инструктажа, мне не сразу удалось к нему попасть. Я сидел в коридоре администрации и ждал, когда у него закончится новое совещание, проходившее теперь в конференц-зале. В этой части здания стояла тишина. Лишь откуда-то издали доносились шумы кабинетной жизни. Из-за двери зала, в котором собрались чиновники администрации, были слышны голоса, но ни единого слова невозможно было разобрать. Мне пришлось просидеть здесь около получаса. Можно было бы вернуться в клуб, но мне не хотелось погружаться в атмосферу тоски и разочарования, которые царили там. Я надеялся избавиться от этих чувств навсегда.

От нетерпения я постукивал по папке с бланками, которая лежала на коленях. Мне хотелось поскорее вернуться на «Зарю» и рассказать последние новости. Наконец, из конференц-зала донеслись шаги и скрип стульев. Дверь открылась, и я увидел мужчину лет пятидесяти, за которым следовал молодой парень примерно моего возраста, может, чуть постарше. Мужчина был высоким и статным, как и полагается герою – в нём я легко узнал Менаги. Парень был заметно пониже, хотя тоже обладал прекрасной физической формой. Его я не знал. На лице Менаги застыла маска раздражения, смешанного с презрением. Парень был чем-то возмущён. Похоже, они вышли на середине разговора. Парень обращался к главе колоний:

– ...Об этом недопустимо говорить! Это же прямое... – он замешкался, увидев меня и повторил уже тише, – об этом недопустимо говорить!

Менаги обернулся и ответил тоном, исключавшим любые вопросы:

– У нас не осталось выбора. В ваши обязанности, господин Менаф, не входят споры со мной. Я дал вам чёткие распоряжения. Ваше дело – сметы и списки рабочих. Вот и займитесь этим! Немедленно!

Парень дерзко взглянул в глаза Менаги, но ничего не сказав, ушёл по коридору вслед за остальными пятью людьми, покидавшими конференц-зал. Я подошёл к главе колоний и объяснил своё дело. Его настрой резко сменился на заинтересованный, без малейших признаков недавнего раздражения. Менаги отвёл меня в свой кабинет, гораздо более просторный, чем любая комната на «Заре». Здесь почти не было мебели, не считая стола, нескольких стульев и шкафа. В углу стоял пустой флагшток.

Мне хотелось узнать, о чём он спорил с тем парнем в коридоре и о деталях экспедиций, но интересоваться было неуместно. Да и в присутствии ещё одной легенды Антарты я ощущал такую робость, что старался не производить лишнего шума. Странно было видеть его за столом, а не на станции, среди рабочих, которых он призывал бороться за нормальные условия труда и социальные гарантии. Во всяком случае, таким – красноречивым, окружённым толпой соратников, – он мне представлялся по рассказам других.

Менаги принял у меня запрос на взрывчатку и сказал:

– В будущем этим будет заниматься господин Самманч.

– Кто? – спросил я.

– Господин Самманч, – повторил Менаги, – уполномоченный по безопасности в колониях. Вы могли его видеть в коридоре. Я составлю распоряжение для склада, но в следующий раз обращайтесь к нему.

Менаги начал строчить на бумаге. Похоже, он обратил внимание на моё имя в запросе, потому что произнёс, не поднимая головы:

– Лакчи Шел-Тулия не ваш родственник?

– Да, – ответил я, взволнованный его интересом к моей персоне, – он мой отец.

Менаги мельком посмотрел на меня. В его глазах читалось лёгкое удивление. Затем он произнёс с восхищением, продолжая заполнять бланк:

– Человек чести...

– Да, о нём многие так отзываются, – с некоторой неуверенностью ответил я.

На момент воцарилось молчание, в котором я чувствовал себя несколько неуютно и поэтому спросил:

– Вы знакомы с ним?

– К сожалению, нет. Но! Разумеется, весьма наслышан. Настоящий хранитель традиций.

– Это верно... – мне хотелось ёрзать на стуле, но я боялся пошевелиться в присутствии Менаги.

Он закончил с бланком и посмотрел на меня. Его лицо выражало благодушие, но в глазах было что-то пронизывающее. словно он был способен прочесть меня как книгу.

– Когда началась революция, – сказал Менаги, – многие люди из благородных семей предпочли покинуть Антарту. Но не вы, Ашвар... Почему?

Контраст между его мягким тоном и бесстрастными глазами вызывал у меня растерянность. Да и вопрос был внезапным. Я не сразу нашёлся, что ответить. Я никогда всерьёз не задумывался о возможности вернуться домой, хотя где-то на краю сознания она всегда маячила. Впрочем, мысли о родителях в этот момент будили другие воспоминания о Лакчами, которые вернули мне уверенность.

– Я отправился в Антарту, господин Менаги, не для того, чтобы при любых сложностях прятаться за своего отца. Многие товарищи моего детства привыкли пользоваться своим положением. Но главное, что я могу взять от Лакчи Шел-Тулия, – это не его деньги или влияние. Главное – это его наставления о том, как быть мужчиной, быть человеком чести. И я надеюсь, что смогу стать таким, как он.

В глазах Менаги снова промелькнуло что-то, кроме невероятной сосредоточенности, а на лице появилась еле заметная ухмылка. Я бы предположил, что он был удивлён моим ответом, но это было как тыкать пальцем в небо. Скорее уж я сам удивился своей уверенности. Тем более что эта тирада была только отчасти правдивой.

– Но в Лакчами нас называют предателями, людьми, потерявшими свою честь, – заметил Менаги.

– По-моему, честь имеет мало общего с тем, что о нас говорят, – открывать ему то, что я думаю, было ещё более странно, чем прятать свои мысли.

– Тонкое замечание, Ашвар, – его глаза снова потеряли выражение. – Ваше воспитание говорит о том, что люди не врут о Лакчи Шел-Тулия. Я рад, что у нас есть такие работники, как вы... «Зарёй» управляет Катан Оша, верно?

– Да, – трудно было скрыть улыбку, мне льстили похвалы от Менаги.

– Он человек с характером.

– Это точно! – я усмехнулся, вспоминая, как Катан вскользь отзывался о главе Антарты.

– Он хороший работник, Ашвар. И хороший администратор. Но на местах далеко не всегда видна общая картина. Не все понимают, почему мы принимаем те или иные решения. Сейчас нам нужно сплотиться и работать. Наши ресурсы ограничены. Конечно, мы больше не выплачиваем долю Лакчами, но у нас теперь гораздо меньше людей. Есть и другие проблемы. Если мы не хотим завтра выклянчивать прощение и билет обратно, нужно примириться с определёнными неудобствами.

У меня было странное ощущение, что он говорит не со мной. Пока он произносил эту речь, его лицо становилось всё более серьёзным. Но как только Менаги закончил, он широко улыбнулся, встал из-за стола и, провожая меня к выходу, положил руку мне на плечо.

– Но с такими людьми, как вы, Ашвар, я думаю, у нас всё получится! Возвращайтесь на станцию. Тяжёлые времена придут и уйдут. Если мы будем работать на совесть, всё будет в порядке!

Мы попрощались, и я вышел. Это был странный разговор, в течение которого я испытал такой клубок чувств, что распутать его не представлялось возможным. Так или иначе, сейчас я чувствовал себя прекрасно.

Я пролетел по коридору и лестнице, по пути натягивая куртку. У выхода со мной чуть не столкнулся тот парень, Менаф, который спорил с Менаги на моих глазах. Он вошёл с улицы без верхней одежды, и я почему-то сразу подумал, что он выходил охладиться. Менаф был угрюм. Зато я находился в приподнятом настроении и пропустил его мимо, не давая ничему омрачить свой дух.

Покинув администрацию, я вернулся на склад, где суматоха только усилилась. Рабочие продолжали разбираться с машинами, но теперь сновали туда-сюда ещё быстрее. Я дал главному механику бумаги от главы колоний. Он сказал мне подождать в вездеходе, который был уже загружен всеми остальными материалами. Несколько минут я провёл в кабине, наблюдая за общим оживлением. Волнение витало в воздухе. После стольких месяцев рутинной жизни колонисты готовили новую волну покорения Антарты. Впервые мы делали это сами, без участия Лакчами. Подошедший механик передал мне взрывчатку, пожелал удачи, и я выехал со склада.

По пути пришлось сделать остановку у местного магазинчика. Мне нужно было забрать Нанга, и я не хотел нарушать обычай, заходя в чужой дом с пустыми руками. Выбор был невелик, поэтому я смог прикупить только небольшой пирог да несколько конфет. Конечно, стоило принести что-то получше. Но с другой стороны, я должен был заглянуть буквально на минуту.

Добравшись до общежития и войдя внутрь, я был захвачен врасплох местной атмосферой. Она была совсем другой, хоть и не менее оживлённой. Топот ног и детские голоса доносились со всех сторон. Это было женское царство. Из мужчин здесь постоянно появлялись

только те, кто сам жил и работал на «Январе». Семьям остальных приходилось ждать своих мужей и отцов неделями и месяцами, пока у тех не появлялось возможности вырваться на выходной или два со своих станций. Кажется, сегодня был день большой стирки, потому что через весь коридор протянулась верёвка с сушившимся на ней бельём. Воздух был влажным от горячего пара, пробивавшегося из-под дверей то тут, то там. Кое-где в узком коридоре попадались выставленные шкафы. Пробираясь между ними, я опустил руку в карман, чтобы вытащить пакет с конфетами, и наткнулся на фигурку лани. Она была тёплой.

Я нашёл комнату шестнадцать, которую семья Нанга делила с другими людьми. До революции здесь так жили все, теперь – чуть больше половины обитателей. На мой стук сначала никто не ответил, но через минуту дверь открылась, и из-за неё показался счастливый отец семейства.

– Уже пора? – спросил Нанг, плохо скрывая своё разочарование. – Проходи, я сейчас соберусь.

Я вошёл внутрь и оказался посреди комнатухи, в которой почти не было свободного пространства. По разные стороны от маленького окна располагались две кровати, между которыми пролегал узкий проход. За дверью стоял шкаф, не позволявший ей открываться нараспашку. По другую сторону от входа, в углу, был стул, перед которым лежал свёрнутый настил. Наверное, на нём спали дети. Они были здесь же, играли с новой мартышкой и другими немногочисленными игрушками, устроившись на одной из кроватей. Дети не обратили ни малейшего внимания на меня. Рядом с другой кроватью стояла женщина. Она заворачивала еду и что-то ещё в кулёк. Сложно было представить, что все они умещаются здесь вместе с ещё одной семьёй.

– Это моя жена Кима, – сказал Нанг. – А это Ашвар – наш инженер.

– Помощник инженера, – поправил его я и поклонился.

– Приятно познакомиться, – почти без интонации сказала Кима, а я передал ей пирог и конфеты.

Она поблагодарила меня и вернулась к свёртку.

– А это мои дети – Шакти и Лиму, – сказал Нанг. – Да оторвитесь вы на минуту! Скажите «здравствуйте» дяде Ашвару!

Дети по команде спрыгнули с кровати, подошли ко мне и поздоровались, после чего вернулись к своим баталиям.

– Присядь, – сказал Нанг, – я буду готов через минуту.

Я послушно опустился на стул. Здесь было так странно. Это место было наполнено какой-то суматошной жизнью. Конечно, остальной «Январь» и другие колонии тоже жужжали, как муравейники, но было что-то механическое в нашей ежедневной суете. Сейчас мне казалось, что мы – мужчины – превратились в Антарте в продолжения насосов, с которыми работали. Особенно с тех пор как все наши развлечения свелись к вечерним посиделкам в столовых.

Нанг собрался, а Кима протянула ему свёрток. Он поцеловал её на прощанье, а она спросила немного встревоженно:

– Когда ты вернёшься?

– Не знаю, – ответил он. – Смены снова увеличивают.

– Скоро запустят экспедиции, – вставил я. – Если всё пойдёт хорошо, то это ненадолго.

Нанг посмотрел на меня. В его взгляде промелькнула печаль. Дети обернулись.

– Папа уезжает? – спросил Лиму.

Он был младший, лет четырёх. По щекам Лиму, которому минуту назад не было никакого дела до папы, побежали слёзы. Нанг поднял его на руки и сказал:

– Папа вернётся! Но надо поработать, чтоб вам было что жрать, тигрята.

Он поставил ребёнка на пол и обнял их обоих.

– Берегите маму и слушайте её!

Нанг ещё раз обнял жену, и мы вышли, оставив его семью внутри. Кима и Шакти махали нам, пока мы пробирались через узкий коридор. Лиму продолжал похныкивать. Выйдя на морозный воздух из натопленного помещения, мы побыстрее забрались в вездеход, продолжавший тархтеть, и направились к «Заре».

Путь назад показался мне невероятно коротким, потому что всю дорогу мы с Нангом разговаривали. Мы оба были довольны. Он смог повидать семью, а меня распирало от новостей насчёт новых рабочих. Добравшись до «Зари», я высадил Нанга у входа, а сам завёл вездеход в гараж. Я чуть не вприпрыжку добежал до станции, желая поскорее рассказать о том, насколько большими будут поиски, а главное – что для этого не потребуется отзывать наших людей.

Завалившись на «Зарю», я сразу же наткнулся на нескольких людей в коридоре, среди которых были Катан и Шиму. Я открыл рот, чтобы поделиться радостью, но Шиму меня опередил:

– Ты-то тоже не слышал?!

По их тону я понял, что их новости далеко не такие лучезарные. Тут же стоял Нанг, он был гораздо мрачнее, чем несколько минут назад.

– Что случилось? – спросил я.

– Они нас кинули! – ответил Шиму.

– Полчаса назад с «Января» сообщили, – сказал Катан, – что Лакчами перед уходом скрыли данные по месторождениям.

– Какие данные? – не понял я.

– Какие? – продолжал Катан с возмущением. – Такие, что нас ждёт полное истощение в течение года или около того.

– Но ведь экспедиции...

– Если экспедиции не найдут нам океан топлива, то мы в лучшем случае продержимся ещё пару лет. А потом будем только надеяться, что Лакчами пустят нас обратно. А если мне не изменяет память, они не особо довольны тем, что мы тут устроили.

Новости меня ошаршили. В голове каскадом проносились впечатления от сегодняшнего дня. Я с надеждой вспоминал механиков, которые готовили машины к большой разведке. Но эту картину оттесняла другая. На ней студент, вылетевший с позором из университета, рисовал две расходящиеся черты.

Глава III. Норвальдец

Я воткнул маленький деревянный столбик в снег, присел рядом с ним и посмотрел на машинное отделение. Поднял лежащую рядом рулетку. От неё к зданию протянулась длинная лента. Я положил рулетку на столбик. Отсюда до машинного было сорок два метра. Я вытащил из кармана планшет и записал расстояние. Вернувшись к зданию, я отцепил закреплённый конец рулетки и начал замерять длину от столбика до места, где рабочие расчистили снег и колотили промёрзшую землю. Они расступились, когда я подошёл, и стали ждать, пока снова смогут вернуться к работе. Пятьдесят шесть метров.

Замеры нужны были для Шиму. Он проектировал новую насосную установку, чтобы мы могли покрыть обновлённые нормативы добычи. В ближайшее время это было нереальной задачей. Пока мы будем ставить ещё один насос, придётся снизить обороты. Хотя бы к этому «Январь» отнёсся с пониманием. Правда, Катан всё равно некоторое время препирался с Менаги по поводу сроков запуска нового насоса. Я уже и не помню, когда начальник станции в последний раз решал вопросы с администрацией без лишнего шума. Мы в это не вмешивались. Во-первых, потому что никто не хотел попасться Катану под горячую руку. Во-вторых, он, в конце концов, действовал в интересах «Зари». Хотя я считал, что иногда ему стоило думать и об общем деле. Неслучайно Менаги в разговоре со мной подметил, что с нашего места не видна картина целиком.

Когда я возвращался в жилой корпус, до меня донеслась ругань. Я оглянулся и увидел рабочих, которые возились с повреждённой трубой. Вентиль сорвал резьбу, и теперь секцию нужно было заменять. А промёрзшие насквозь детали не так-то легко снять. Ремонт стал ещё одной причиной снижения добычи: соседние насосы пришлось отключить, чтобы их давление не вызвало течь на этом месте. Сегодняшние нормативы были заведомо недостижимой целью. Рабочие переругивались, пытаясь снять клапан с трубы. Я вздохнул, глядя на это, и вошёл в жилой корпус.

На станции был оборудован небольшой зал с несколькими столами, которыми пользовались люди вроде меня, лишённые отдельных кабинетов. Я присел за стол и принялся переписывать результаты своей работы ровными цифрами для Шиму. Погрузившись в работу, я даже не заметил, как кто-то подошёл. Над моим ухом раздался голос:

– Это что за говно?

Я поднял голову и увидел Меката и Маги. Кажется, это они возились со сломанным насосом. Мекат держал в руке трубу, а на его лице застыла гримаса отвращения. Она не была какой-то особенной – он всегда смотрел на людей так, будто хочет их ударить. О его настроении приходилось догадываться лишь по тону голоса. Мекату было двадцать пять, но он вёл себя так, будто уже всякого в жизни навидался и всему знает цену. Маги был младше на пару лет и редко проявлял характер. Вообще, он был довольно замкнутым и больше предпочитал проводить время с машинами, чем с людьми. Он и в Антарту перебрался только потому, что его увлекали новые технологии. Маги был немного не от мира сего. Революция, обрубившая путь назад, вообще не произвела на него никакого впечатления.

– Что? – спросил я, не улавливая суть послания.

– Вот это, – Мекат помахал трубой перед моим носом, – что за говно?

– Труба.

– Без тебя вижу, что труба. Жули она длиннее, чем наши?

– А зачем тебе вообще труба?

Мекат вздохнул и сказал:

– Ну мы, короче, меняли клапан, а он, сука, примёрз нахер. Мы его потянули, и труба под ним крякнула. Ясен хер, пришлось со склада брать другую. А она длиннее. Этот тормоз не

поверил, – Мекат ткнул трубой в сторону Маги, – так я ему сказал, чтоб он её присобачил. И он ведь присобачил! А вот клапан уже не влез. А привёз это говно ты.

Маги раздражённо пробурчал что-то под нос, но Мекат не обратил на это внимания. Я даже не удивился новостям. После известий о грядущем истощении, всё стало каким-то далёким от меня. Где-то в глубине души я словно примирился с тем, что теперь всё будет идти не так.

– Привёз то, что Шиму сказал, – заметил я. – Откуда мне знать? Пойдём у него спросим.

Я поднялся из-за стола, и мы троём прошли в кабинет Шиму, который что-то высчитывал. Мекат подошёл к нему, протянул трубу и спросил тем же тоном, что и меня:

– Это что за говно?

Шиму взял у него из рук трубу, оглядел и спросил:

– А что с ней?

Мекат описал драму со сломанным насосом.

– Косорукие! – прокомментировал Шиму и обратился ко мне, – Ашвар, это что за говно? Ты не смотрел что ли, что они загружают?

– Так никогда никаких проблем не было! – начал защищаться я. – Хотя там нынче такая суматоха!

– Похер! – сказал Шиму и протянул трубу Мекату. – Разрежьте да и всё. Что вы как дети-то?

Мекат хотел что-то ответить, но нас всех отвлекли быстрые тяжёлые шаги в коридоре. Только сейчас я обратил внимание, что снаружи уже несколько минут доносится шум вездехода, хотя никто никуда не собирался ехать. Дверь была открыта, и мы заметили, как по коридору прошли двое людей. Они были не с «Зари». Я выглянул им вслед, когда они скрылись в кабинете Катана.

– Давайте! – сказал Шиму. – За работу!

Вдруг из кабинета начальника станции донеслась ругань. Мы замерли, прислушиваясь. Слов было не разобрать, но они там явно о чём-то спорили. Через минуту наши гости уже прошли обратно, так же быстро и уверенно. Мы все вышли в коридор, как только скрипнула входная дверь, и наткнулись на Катана. Он был очень зол.

– Они забирают вездеходы, – сказал начальник станции.

– Что?! Зачем?! – спросил Маги с таким видом, будто у него забирали детей.

– Нужны для экспедиций! Говорят, что если нам что-то потребуется, свяжемся с «Январём», они привезут сами, когда припрутся за бочками.

– Ну так и хрен с ним, – заметил Шиму. – Нам же лучше. Меньше мотаться самим.

– Это до тех пор, пока всё в порядке, – загадочно ответил Катан.

Он поморщился, почесав переносицу, вздохнул и, заметив в руке Меката трубу, спросил:

– Вы починили насос?

– Не, – ответил Мекат чуть ли не с гордостью, – мы его доломали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.